

Ян Шенкман

Конец сороковых. В ресторане гостиницы "Европейская" к Александру Николаевичу Вертинскому подседа восторженная дама. Александр Николаевич только что вернулся в Россию и с благодарностью выслушивал комплименты. Поклонница щебетала: "Ваши песни знают и любят на родине. Ваши и Петра Лещенко". Вертинский изменился в лице. "Простите, — сказал он сквозь зубы, — но я не знаю такого певца".

Вертинский — человек богемы, поэт. В его аристократическом облике просвечивало что-то набоковское. В манерах и песнях — тщательно культивируемая нездешность, тайна, доступная лишь посвящённым. Лещенко же — развлекатель, чуждый снобизма, любящий успех и непосредственные эмоции. Его незамысловатые, утрированно сентиментальные песенки далеки от высокой поэзии и не отягощены смыслом.

Вертинский и Лещенко — не просто два шансонье прекрасной эпохи. Это две точки зрения на мир: усложнённая и упрощённая. Между ними такое же отчуждение, такая же неприязнь, как между попсой и роком в восьмидесятые годы. Советской империи оба они оказались не нужны и враждебны. Тем не менее Лещенко она уничтожила, будто взревновав к простоте, а Вертинского пощадила. Вероятно, идеология, пусть и чуждая, для империи милее безыдейности.

1918 ГОД. РУМЫНСКОЕ КОРОЛЕВСТВО аннексирует Бессарабию. Пётр Константинович Лещенко, как Шаляпин, Северянин, Репин, Рахманинов и сотни других, становится эмигрантом без эмиграции. Что это такое, советские люди поняли лишь в девяносто первом, когда понятия "дом" и "родина" перестали совпадать у трети населения страны.

Для крестьянского сына Лещенко малая родина была важнее большой. Он родился под Одессой, но домом своим считал Кишинёв, где жил с семи лет. От необходимости совершать мучительный выбор Лещенко избавило звание прапорщика, присвоенное ещё

ные эстрадные танцоры, запевшие лишь в зрелом возрасте, оба они были слишком профессиональны, чтоб смешивать сцену и жизнь. У обоих в отличие от большинства эмигрантов под ногами была твёрдая почва. Димитриеви́ч — цыган, а значит, профессиональный скиталец, эмиграция ему не внове. Лещенко — кишинёвский житель, которого и эмигрантом-то можно назвать с натяжкой. Но главное, что спасало их, — ремесло.

ДВАДЦАТЫЕ НАЧАЛИСЬ ДЛЯ ЛЕЩЕНКО в кинотеатре "Орфейм". Он выступал там между сеансами: танцевал лезгинку с кинжалом в зубах, играл на ба-

лалайке и пел. Днём же тренировался как заведённый, экономил на еде и откладывал деньги. Когда сумма скопилась достаточная, Лещенко поехал в Париж поступать в балетную школу.

1929 год. Афиши гласят: "Каждый вечер у нас в ресторане знаменитые артисты Зинаида Закит и Пётр Лещенко из Парижа". Закит — девятнадцатилетняя латышская танцовщица, первая жена Лещенко. Они познакомились в школе Веры Трефиловой, балерины из Мариинки, и создали семейный дуэт.

Вскоре Зина забеременела, а Пётр, оставшись без работы, предложил свои услуги рижскому филиалу фирмы "Парлофон". Его визит там восприня-

Между королевским двором и лагерным бараком

Шансонье

в царской армии, и то, что он успел повоевать на стороне белых, причём в казачьих, самых антисоветских войсках. Дорога в Россию была для него закрыта.

В Париже ходила легенда, что после эвакуации из Крыма Лещенко постигал тонкости цыганской музыки на острове Родос под началом таинственного старца из "фараонова племени". Ничего этого, разумеется, не было. После войны он занимался тем же, чем до неё: танцевал в кабаках цыганочку, лезгинку и гопака. "Тайны фараонова племени" — метафора, которая к Лещенко приложима едва ли. Тогдашний шоу-бизнес он воспринимал как способ выжить, а не призвание и высокое предназначение. Этот способ если и не оплачивался деньгами, то уж наверняка гарантировал танцору тарелку супа и рюмку водки.

Эмигранты, как мухи на мёд, слетались в русские рестораны. Кто-то сутенёрствовал, кто-то швейцарил, кто-то подхалтуривал кельнером или мойщиком грязной посуды. Но высшей кастой считались те, кому удавалось зарабатывать танцами и пением. Почти все они в итоге спивались или умирали, подсев на кокаин. Редким исключением были такие люди, как Лещенко в Кишинёве и Алёша Димитриевич в Париже. На этом празднике декаданса, в атмосфере гибели напоказ, они стремились работать, а не умирать. Опыт-

Пётр Лещенко (второй справа) на гастролях в Кишинёве. 1930-е гг.

и равнодушно, но упорный Лещенко остал-таки фирмачей и уговорил записать десяток песен на пробу.

Дальше происходит история, которая тридцать лет спустя повторится с Элвисом Пресли и его "That's all right mama". Пробная запись никому не известного русского стремительно раскупается. "Парлофон" выпускает "От Бессарабии до Риги", "Веселись, душа" и другие хиты. "Беллакорд Электро" – "Моё последнее танго" и "Марфушу".

Дальше – больше. Лещенко пишется на крупнейших граммофонных лейблах и получает суммы, которые никогда не заработал бы танцами. Вокруг него создаётся подобие культа, популярность его выходит за пределы русской диаспоры. Слушать Лещенко в предвоенной Европе становится так же модно, как уанстэп, чарльстон и томных гавайских певцов. В считанные месяцы он становится знаменитым.

Бум Лещенко происходит при почти полном отсутствии живых выступлений. Больше того, когда он пробует петь на престижных концертных площадках, европейцы принимают его скептически, а то и вовсе осистывают. Но при этом исправно покупают граммофонные записи. Музыкальные критики высказывают Лещенко своё "фи". Лишь в крохотных кабачках, расчитанных на сорок-пятьдесят человек, он имеет успех.

Этот парадокс объясняется просто. У Лещенко не было настоящего драматического вокала, в больших помещениях его голос терялся, а вот на пластинках звучал прекрасно, во всём богатстве оттенков и интонаций. Шаляпин с долей презрения и зависти называл его "пластиночным певцом". Сам Фёдор Иванович, свободно певший в театральных и концертных залах, ворчал, слушая свои записи. На пластинках его голос всегда звучал не так, как хотелось.

Авторитет Лещенко постепенно растёт. С ним работают лучшие оркестры и самые известные композиторы: Клауде Романо, Ефим Скляр, Саша Влади, Артур Голд, Эрнст Нонигсберг... Самым важным из них был для Лещенко

Оскар Строк, которого ещё в царских газетах называли "королём русского танго". В 1941 г. Строк бежит от нацистов в Советский Союз. Он пишет для Изабеллы Юрьевой, Шульженко, Утёсова, но остаётся "идеологически чуждым". "Чуждыми" были и фокстроты, которые писал для Лещенко Марк Марьяновский (погиб в Бухенвальде). Такие, например, как "Татьяна":

*Встретились мы в баре ресторана.
Как мне знакомы твои черты...
Помнишь ли меня, моя Татьяна?
Мою любовь и наши прежние мечты?*

Сказать, что запрет на песни Лещенко был тотальным, – значит сказать неправду. Приобрести его пластинки легальным путём было, конечно,

нельзя, но тем не менее их слушала вся страна – от рабочих до жителей Дома на набережной. Известно, что папанинский радист Кренкель, сидя на арктической льдине, ловил песни Лещенко по радио Рейкьявика. Да и спустя годы, в сороковые, никто не называл его антисоветчиком. Для идеологов он проходил по тому же разряду, что и стихи Есенина: "есенинщина", "кабацкий загул", в общем, "не наш образ жизни"...

Два этих мира практически не пересекаются и не оказывают влияния друг на друга. В разгар сталинских чисток Лещенко поёт на семейном празднике короля Югославии Александра I (вскоре этот любитель русской культуры будет убит хорватскими националистами-устамими). Он выступает на Би-би-си, в дорогих ресторанах и салонах Лондона. В русском пансионе после ужина берёт гитару, а на пианино ему подыгрывает князь Феликс Юсупов. Он обласкан прессой, его называют "русским Бингом Кросби". Репертуар его настолько богат, что программа каждый раз новая, неизменно исполняется только "Чубчик".

1935-й. ДЕЛА У ЛЕЩЕНКО НАСТОЛЬКО хороши, что он открывает фешенебельный ресторан на улице Виктории, в самом престижном районе Бухареста. В "Barul Lescenco" собираются

сливки эмиграции и высший румынский свет. В бронированном авто Лещенко возят выступать на виллу Кароля II Погенцоллерна.

Эта бронированная машина с душистым молдавским вином в минибаре и мягкими сиденьями, заваленными цветами, – символ всего, что происходило в те годы с Лещенко и с Европой вообще. В авто не проникали звуки извне, и даже водитель был отделён от салона специальной перегородкой. Эта блестящая и эфемерная жизнь возможна лишь на фоне какого-нибудь кошмара или накануне его. Россия, которую мы потеряли, и Европа, которую потеряли они, выглядят очень похоже. Обе – "часть мира, которого нет", как пел Майк Науменко в начале восьмидесятых. Ностальгировать только и можно по тому, чего нет и не было никогда. По историческому мифу или миру эстрадных шлягеров.

КОНЕЦ ТРИДЦАТЫХ. В РУМЫНИИ грезят о великой Дакии от Вены до Азовского моря. Тем временем генерал Антонеску становится главой "легионерского режима", король уезжает из страны, советские войска оккупируют Бессарабию. Прекрасная эпоха умирает вместе со старой картой Европы...

Начало Второй мировой застало Лещенко на гастролях в Париже. Он получает срочный вызов в полк, к которому приписан как военнообязан-

ный. Идти воевать против России отказывается, его судят, но благодаря широкой известности отпускают, а в 1942-м он выступает в одесском драматическом театре. И снова – "Моя Марусичка", "Татьяна", "Чубчик". Он поёт эти песни при всех режимах, и при всех режимах они имеют успех.

АВГУСТ 1944 ГОДА. В БУХАРЕСТ ВХОДЯТ советские части, которые потом назовут оккупационными. Лещенко даёт концерты для них, исполняя, между прочим, и "Тёмную ночь" Богословского. Принимают его холодно: оказалось, дано распоряжение – "Лещенко не аплодировать". Лишь после того как на концерте прослезился маршал Жуков, распоряжение отменили.

Дом Лещенко разбомблён. Ресторан национализирован. Власть запрещают концерты без объяснения причин... И всё-таки Лещенко отказывается бежать на Запад и даже добивается разрешения... вернуться в Россию. Так не поступают люди, адекватно воспринимающие действительность. Но герои шансона поступают именно так.

Разрешение ему дали. Собрав друзей на прощальный ужин, Лещенко поднимает бокал: "Я счастлив, что возвращаюсь на Родину, но сердце моё – с вами". Во время последнего концерта его арестовывают. Вернее, приглашают в органы "для дачи некоторых объяснений". Спустя год после этого приглашения сестра Лещенко Валентина увидела брата на улице. Конвой вёл его в толпе других зеков рыть канавы и разбирать руины, оставшиеся после бомбёжек. Пётр Константинович узнал сестру и заплакал...

ПОКА ОН СИДЕЛ, СТРАНА ЖИЛА ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ жизнью. Ресторанные лабуги в послевоенной Москве всю игру играли "под Лещенко" и записывали пластинки в его стилистике. Записи самого Лещенко продавались из-под полы на рентгеновских снимках. Торговля шла на ура. Партийные боссы заказывали на Апрелевском заводе спецтиражи его дисков для личного пользования. А услужливый советский тенор Бунчиков пел, выполняя социальный заказ: "Вечно будем мы вместе // Май встречать в Бухаресте"...

О дальнейшей судьбе Петра Константиновича известно совсем немного. Даже даты смерти указывают по-разному: по одной версии – 1951-й, по другой – 1954-й. Лещенко, как писали в перестроечной прессе, стал одним из строителей Дунайского канала и умер в тюремной больнице. Возможны варианты: расстрел или магаданские лагеря. А что Сибирь – Сибири не боюсь я! Сибирь ведь тоже русская земля. Так вейся ж, вейся, чубчик кучерявый, Развеваясь, чубчик, на ветру...